

Филатов В. И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестн. Ом. ун-та. 2014. №4. – С. 84-86.

Чаликова В. А. Предисловие к «Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы»: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

Носкова А. Ю., Екатеринбург
(науч. рук. – Снигирева Т. А.)

«Кромешный мир» поэзии Александра Вавилова

Noskova A. Yu.

The oblique world in the poetry of A. Vavilov

Статья посвящена анализу поэтического мира А. Вавилова. В работе обозначены основные параметры «кромешного мира» уральского поэта. В результате анализа были сделаны выводы о том, что в поэзии А. Вавилова складывается образ антимира, изнаночной действительности, которая может как олицетворять состояние души лирического героя, так и служить приемом оценки реального мира.

Ключевые слова: современная поэзия Урала, поэтическое пространство, кромешный мир, абсурд, гротеск.

The article is devoted to the analysis of A. Vavilov's poetic world. The main parameters of the "oblique world" of the Ural poet are indicated in the work. As a result of the analysis, it was concluded that the image of the anti-world, the purity of reality, which can both represent the state of the lyric hero's soul, and serve as a means of assessing the real world, are formed in Vavilov's poetry.

Keywords: modern poetry of the Urals, poetic space, the oblique world, absurd, grotesque.

Лирика Александра Вавилова амбивалентна по своей сущности: музыка жизни у него соседствует со страхом и безысходностью, необъятное пространство планеты с теснотой больничной палаты, свет – с тьмой. В его поэтическом мире «черного карнавала» и «гротескных диссонансов» можно проследить связь с концепцией М. Бахтина [Бахтин 1965: URL], в которой двойственность, контрастность, перевернутость (из которой произрастает сниженность) явлений играют основополагающую роль.

В поэзии А. Вавилова присутствуют настроения трущобной жизни. Это не выражается так откровенно, как у Бориса Рыжего, в стихах которого действие разворачивается в неблагополучной части города, на самом его

отшибе. Трущобность сама собой подразумевает социальную несостоятельность. Но герои А. Вавилова обычно – представители профессий, статус которых выше уровня крайней бедноты: букмекеры, нотариусы, врачи, торговцы, клоуны, фокусники. Однако пространство, в которое они помещены, часто наполнено гнетущими, тревожными образами неблагополучного существования: «Букмекеры, венерологи, два скворца, / Водители самых грязных грузовиков. [Вавилов 2014: 26].

Человек, по Вавилову, в этом мире несчастен и часто пьян. Алкоголь, льющийся рекой, становится способом перехода в другую действительность. У А. Вавилова лирический герой существует в условии двух вселенных. Одна из них – реальная, естественная. Вторая – это «кромешный мир» (термин Д. Лихачева). Под «кромешным» подразумевается изнаночный мир, противопоставленный нормальному, обыденному. Его характерные черты – это недействительность, абсурдность, спутанность знаковой системы и нестабильность. Антимир являет собой вывернутую реальность. Одним из частотных и показательных примеров такой трансформации является подмена церкви кабаком: «Так давай превратим в кабак этот Божий храм, / Разливай, и споем Катюшу у алтаря... [Вавилов 2016: 90].

Лирический герой стремится преодолеть грань между реальным и кромешным (в пользу последнего). Подразумевается, что изнанка – это мир тьмы и зла, но здесь ощутима попытка спрятаться именно от действительности, существование в которой вызывает тягу к разрушению. Кромешно само состояние души, отсутствует чувство стабильности.

«Кромешный мир» изначально считается частью смеховой культуры, его призвание заключается в разоблачении существующей действительности, в ее обнажении, поскольку нагота традиционно является частью мотивной системы («Бегать голышом по просторным залам, / Радовать зверушек улыбкой Бога». [Вавилов 2009: 105]). Смех строится на спутанной системе знаков, основой всего становятся абсурд и гротеск, которым в стихах А. Вавилова значительное

место: «Звучали шумы, а слова тонули / Внутри геральдического гротеска» [Вавилов 2011: 43].

Гротеск отличается амбивалентностью, сочетает в себе реальное и фантастическое, формирует абсурдистскую действительность. В поэзии А. Вавилова есть примеры того, как гротеск отсылает нас к карнавальному мироощущению, например, стихотворение «Борода». В центре – мужчина, у жены которого внезапно выросла борода.

Он ей говорит: «Дорогая, глянь!
Это что за хрень? Это как понять?
Это ж борода! Это... божья срань...».

[Вавилов 2009: 25].

Мотив перевоплощения, переодевания существует с античных времен. Но здесь подчеркнута именно противоестественность смены женского на мужское, она обличена, замечена, представлена особенно остро, натуралистично. Смех концентрируется вокруг того, что борода как символ мужественности становится частью женщины, наделяет ее качествами, присущими «сильной половине». Муж при этом оказывается в позиции угнетенного, слабого. Ирония автора в большей степени направлена на этого персонажа, поскольку он утрачивает перед женщиной свою силу. В стихотворении достаточно высок процент обценной лексики, благодаря чему актуализируется тема материально-телесного низа, что усиливает смеховой эффект.

Однако Д. Лихачев отмечал: «Кромешный мир, антимир не всегда является миром смеховым. Он не во всех случаях несет в себе смеховое начало и не всегда разоблачает действительный, существующий мир, мир своего рода житейского благополучия» [Лихачев 1984: URL]. Для поэзии А. Вавилова не чуждо изображение неблагополучного и антисмехового:

Пьяный клоун готов обменять шапито,
Поролоновый нос и дурацкий парик
На отсутствие смеха, которым никто
Не отменит невидимый маленький крик.

[Вавилов 2015: 20].

Клоун, являющийся в народной культуре воплощением всего смешного, желает сбросить с себя груз собственной сущности. Лирический герой сознательно (или бессознательно, учитывая возникающий мотив опьянения)

отказывается от смеха, отвергает абсурд, поскольку даже он не способен противостоять действительности, подверженной несчастью и упадку.

В поэзии А. Вавилова достаточно часто встречаются «больничные тексты». Больница – место концентрации большого количества человеческих недугов, как физических, так и психологических («Видимо, мне уже психиатр нужен, а не психолог» [Вавилов 2015: 11]), которые всегда подразумевают нарушение или разрушение гармонии человеческого тела и души. Больничный локус является условной чертой между двумя мирами, поскольку происходит острая актуализация категорий жизни и смерти, граница между ними становится зыбкой. При этом в ряде стихотворений возможность абсолютного исцеления практически отсутствует, можно рассчитывать только на исчезновение симптомов, на ремиссию: «Врачи. Ремиссия. Комиссия. Врачи» [Вавилов 2011: 89]. Но нельзя назвать больницу границей между реальным и кромешным, она имеет большее отношение к антимиру, где довлеет угнетающая, мрачная образность и дисгармония:

В тишине диспансерских кают
Под влиянием камерной боли
Ты находишь магнитное поле,
Где медсестры о смерти поют,
Где уставший от спирта медбрат
Сам себя познакомил с морфином.

[Вавилов 2014: 49]

Думается, что в лирике А. Вавилова действительно формируется «кромешный мир», внутри которого существует его лирический герой. При этом он по-разному себя реализует, в зависимости от поэтической стратегии: он может быть смеховым и обнажать существующую реальность; также он способен быть частью души, состоянием лирического героя, который потерял или не нашел гармонию с миром. Стихам А. Вавилова свойственна тревожность и болезненность состояний, которые характерны для екатеринбургской поэзии в целом, но обращение к смеху иногда позволяет сделать шаг в сторону преодоления этих качеств.

Литература

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, 1965 [Электрон.ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm>

Вавилов А. В. Абсурд. Россия. Скотобаза. Екатеринбург : Пинта ветра, 2009.

Вавилов А. В. Итальянский ноктюрн. Екатеринбург : Изд-во урал. ун-та, 2011.

Вавилов А. В. Темные уровни. Екатеринбург : Пинта ветра, 2014.

Вавилов А. В. Внутри молчания. Екатеринбург : Пинта ветра, 2015.

Вавилов А. В. Тысяча миль до Катарагуса. Екатеринбург : Пинта ветра, 2016.

Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение, 1984 [Электрон.ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/smeh/smeh_main.htm